

Александр Восьмой

**Книга 2. «Масса, что
ведёт сквозь шторм»**

18+

Александр Восьмой

Книга 2. «Масса, что ведёт сквозь шторм»

<https://litres.ru/74457913>

SelfPub; 2026

Аннотация

Скорость света. В Космосе нет веса, но есть масса, у 10 ракет в 10 раз больше скорость, чем у одной ракеты. Когда десять ракет сливаются в единый рывок, космос отвечает бурей: гравитационные вихри, осколки древних станций и тени забытых цивилизаций встают на пути. Герои учатся чувствовать массу не как груз, а как ритм: каждый корабль — нота, а их совместный полёт — громовая симфония. В погоне за скоростью они находят руины цивилизации, знавшей тайну движения без трения, и понимают: скорость — это не только расстояние, но и время, которое можно украсть у вечности.

Александр Восьмой

Книга 2. «Масса, что ведёт сквозь шторм»

Глава 1. Тишина перед первым тактом

В обсерватории на краю обитаемого мира царила тишина, густая, как космический мрак за куполом. Лишь изредка щёлкали приборы, отсчитывая мгновения, будто боялись спугнуть безмолвие Вселенной. Ольгерд не смотрел в телескоп — он слушал.

И вдруг космос запел.

Не треском помех, не монотонным гулом пульсаров — а низким, вибрирующим звуком, от которого дрожали стёкла и стыла кровь. Это была не музыка звёзд, а песня, рождённая чем-то древним, глубже самой материи. Она лилась из слепого пятна неба — созвездия, которого не было ни на одной карте.

Ольгерд замер, вцепившись в край пульта. В памяти всплыли легенды старых навигаторов: «Кто слышит этот напев, тот уже отмечен дорогой». И следом — горькая строчка из бортового журнала пропавшей экспедиции: «Мы увидели путь. Но он видел нас».

Он знал: кто-то уже летел туда. И не вернулся. Но оставил след — не искру в вакууме, а ритм, вплетённый в ткань про-

странства. Дорогу, которую можно услышать, если перестать слышать себя.

Пальцы дрогнули над панелью связи. Всего одно сообщение могло изменить всё: поднять флот, разбудить спящие двигатели, сорвать с орбит корабли, готовые слиться в единый рывок. Десять ракет — десять нот, способных вызвать грозную симфонию космоса.

Но прежде чем нажать кнопку, Ольгерд снова прислушался. Песня стала громче. И теперь в ней слышался не зов — а предупреждение.

Космос не просто пел. Он готовился к удару.

Глава 2. Масса, не знающая веса

Старая верфь на ледяной луне Ган казалась осколком забытого мира: ржавые фермы тянулись в пустоту, будто рёбра уснувшего зверя, а ветер гнал по плитам мелкую ледяную крошку, звенящую, как рассыпанные ноты. Здесь строили корабли для полётов, которые не возвращались, — и потому каждый стык варили с молитвой, а каждый двигатель настраивали, словно голос перед песней.

Ольгерд шёл между ангаров, чувствуя, как холод пробивается под броню, и вдруг услышал звук, не похожий ни на скрип металла, ни на вой ветра. Это был чистый, высокий тон — будто кто-то провёл пальцем по краю хрустального бокала. Он шёл из полутёмного отсека, где среди обломков и катушек проводов сидела девочка-инженер Лира.

Она не смотрела на схемы — она слушала ракету. Пальцы её скользили по швам обшивки, постукивали по рёбрам жёсткости, прислушиваясь к тому, как отзывается металл. Перед ней стояла первая её машина — тонкая, вытянутая, похожая на стрелу из стекла и стали. На борту выведено от руки: «Соль».

— Она не готова лететь, — тихо сказала Лира, не поднимая глаз. — Она ещё не научилась дышать в ритме космоса.

— Ты строишь ракеты, как музыкальные инструменты, — произнёс Ольгерд.

Лира наконец взглянула на него — в её взгляде не было ни удивления, ни робости, только упрямая уверенность.

— Потому что космос не любит силу, — сказала она. — Он отвечает на ритм. Если корабль звучит верно, он не преодолевает пространство — он договаривается с ним. Масса не должна быть грузом. Она — удар. Тон. Вибрация, которая раздвигает тьму.

Она провела ладонью по носу «Соли», и ракета отозвалась едва уловимым гулом — низким, глубоким, будто вздохнула.

— Десять таких, — вдруг сказала Лира, поднимаясь. — Десять кораблей, настроенных в унисон. Если собрать их в один рывок, они не просто полетят быстрее. Они заставят космос звучать по-новому. Это будет не полёт — это будет громовая симфония.

Ольгерд посмотрел на «Соль», на тонкие линии стыков, на дрожащий в стыках свет, и понял: перед ним не просто

ракета. Это была первая нота. И если они найдут остальные девять, небо ответит бурей.

— Покажи мне, как её настраивать, — сказал он.

Лира улыбнулась — впервые за всё время.

— Тогда слушай, — прошептала она. — Сейчас она поёт не в такт. Но скоро мы это исправим.

Глава 3. Дорога из сожжённых карт

Они шли по коридорам заброшенной навигационной станции, где стены были увешаны картами, чьи маршруты давно стали ложью. Ольгерд срывал их одну за другой — не из злости, а из уважения: каждая карта была клятвой, которую космос не принял. Он бросал листы в жаровню у шлюза, и те вспыхивали, на миг озаряя лица тех, кто решился идти за ним.

Дорога складывалась не из координат, а из людей.

Первым пришёл Сэм — навигатор-слепец, чьи пальцы помнили небо лучше любого телескопа. Он водил ладонями по голограммам, словно читал рельеф звёзд, и шептал: «Здесь есть ритм. Слышите? Как пульс в пустой комнате». Он не видел света, но чувствовал, как пространство сжимается и тянется, будто ткань, которую кто-то тянет в разные стороны.

Потом появилась Эльта — биолог, что выращивала в стеклянных колбах светящиеся водоросли. Те мерцали в такт чужим снам, и Эльта говорила, что в их свете можно прочесть

воспоминания давно погибших кораблей. «Они помнят, где было опасно, — тихо сказала она, протягивая Ольгерду пробирку с мягким зелёным свечением. — И помнят, где можно пройти».

Тэн пришёл последним — пилот-молчун, который не любил слов. Он сел у панели управления, не спросив разрешения, и одним плавным движением запустил тестовый цикл двигателей. Корабль вздрогнул, будто узнал старого друга. Тэн не произнёс ни слова, но его манёвры говорили громче любой речи: он чувствовал пространство как продолжение собственного тела.

Лира стояла у доски, где мелом были набросаны девять силуэтов кораблей. Девять характеров, девять ритмов. Десятый круг оставался пустым — место для того, кого найдут в пути.

— Мы не собираем экипаж, — сказала Лира, обводя мелом пустые контуры. — Мы собираем симфонию. Каждый из них — нота. И если они зазвучат вместе, космос не сможет нас не услышать.

Ольгерд посмотрел на карту, которая ещё не успела сторесть, — на ней мерцала точка в мёртвой зоне, где гравитация будто пела шёпотом. Он знал: там начинается дорога, которую нельзя нанести на схемы. Её можно только прожить.

Он взял мел и провёл линию — не от звезды к звезде, а от сердца к сердцу: от Сэма к Эльте, от Тэна к Лире, замыкая круг.

— Тогда пусть эта карта будет не о пространстве, — произнёс он тихо. — А о нас.

И когда последний лист рухнул в огонь, станция будто вздохнула. Космос ждал. Ждал девяти кораблей, девяти голосов — и одного общего рывка, способного украсть мгновение у вечности.

Глава 4. Рывок

Небо над станцией почернело не от ночи — от напряжения. Девять ракет повисли на орбите, словно натянутые струны, дрожащие перед первым аккордом. Искры срывались с их бортов, будто космос уже пробовал их на вкус, проверяя, достойны ли они звучать.

Ольгерд стиснул кулаки, глядя на панель связи, где девять огоньков горели ровно, как девять сердец, бьющихся в унисон.

— Сейчас, — прошептал он. — По моей команде.

Лира не отрывала взгляда от графиков, где линии дрожали, словно боялись того, что вот-вот случится.

— Мы готовы, — сказала она, но в голосе слышалась не уверенность, а надежда.

— Три... два... один...

Рывок.

Двигатели взвыли, сливаясь в единый гул — не в гармонию, а в хаотичный рой звуков, каждый из которых рвался вперёд сам по себе. Корабли сорвались с орбиты, пронзая

атмосфере, и космос ответил мгновенно.

Гравитационный вихрь ударил, как невидимый кулак. Пространство вокруг искривилось, потянуло корабли в разные стороны, швыряя их, будто сухие листья в бурю. На экранах вспыхнули предупреждения, металл стонал, сопротивляясь силе, которая хотела разорвать их на части.

И вдруг Сэм поднял руки, будто пытаясь нащупать воздух. Его пальцы дрожали, скользя по невидимым линиям.

— Лево на тридцать, — выдохнул он, не глядя на приборы. — Сейчас! Ещё пять! Держите ритм!

Тэн не спросил «почему». Он просто повернул штурвал, и его корабль скользнул в узкую щель между волнами искажения. Остальные последовали за ним — не по команде, а по чутью, по тому, как Сэм читал пространство, словно старую песню, которую знал наизусть.

Вихрь пронёсся мимо, оставив после себя звенящую тишину и шлейф искр. Корабли зависли, покачиваясь, будто очнувшись после удара.

Лира смотрела на обломки данных, на разорванные графики, на кривые, которые должны были совпасть, но лишь бежали параллельно, как голоса, поющие одну мелодию, но не слышащие друг друга.

— Мы играли не вместе, — тихо сказала она, и в её голосе прозвучала горечь. — Мы играли одновременно. Это разные вещи.

Ольгерд подошёл к экрану, где мерцала карта маршрута,

и провёл пальцем по линии, которая должна была стать их путём.

— Значит, научимся слышать друг друга, — произнёс он твёрдо. — Потому что следующий рывок будет не просто полётом. Это будет симфония. И космос либо склонится перед ней, либо рухнет.

Где-то в глубине пустоты, за пределами их датчиков, что-то шевельнулось — тень древней силы, ждавшая именно этого звука. Ждавшая, когда девять нот наконец сольются в одну.

Глава 5. Симфония из обломков

Месяцы слились в единый отсчёт — не дней, а тактов. На орбите мёртвой луны корабли кружились в бесконечной репетиции: виражи сменялись замираниями, рывки — тихими скольжениями, будто они учились дышать одним воздухом. Лира не говорила о тяге, импульсах и векторах — она говорила о тонах.

— Этот манёвр звучит слишком резко, — шептала она, глядя на график, похожий на нотный стан. — Смягчите угол. Пусть будет не удар, а вздох.

И корабли вздыхали. Двигатели пели, отзываясь на едва уловимые поправки, и каждый из них становился не машиной, а инструментом: «Соль» тянула низкую, густую ноту; корабль Тэна выдавал острые, чистые аккорды; судно Эльты мерцало в такт биоритмам водорослей, словно подсвечивая

паузы между звуками.

Сэм сидел в центре координационного узла, его пальцы скользили по сенсорной панели, ощущая не цифры, а вибрации пространства.

— Здесь ритм сбивается, — бормотал он, наклоняясь к экрану. — Чуть левее... да, вот так. Теперь вы не просто летите — вы слушаете друг друга.

Сначала это казалось поэзией. Потом стало физикой.

Приборы начали фиксировать аномалии. Вокруг девяти кораблей возникало поле, которого не должно было существовать: не магнитное, не гравитационное, а какое-то иное — словно пространство само подстраивалось под их мелодию. Масса перестала быть суммой отдельных тонн — она становилась произведением, сплетаясь в новую величину, не укладывающуюся в формулы. Скорость росла не линейно, не кратно — а степенно, будто каждый следующий такт умножал возможности предыдущего.

Лира смотрела на графики, где линии больше не бежали параллельно, а скручивались в спираль, и в её глазах светилось не торжество, а благоговейный страх.

— Мы не обманываем законы, — тихо сказала она. — Мы находим лазейку, которую они сами нам оставили.

Ольгерд стоял у окна, наблюдая, как корабли снова выстраиваются в строй, и чувствовал, как под кожей шевелится предвкушение. Космос приоткрывал дверь — не широко, не гостеприимно, а узкой щелью, сквозь которую едва про-

бивался свет.

— Ещё немного, — произнёс он, будто обращаясь к самой пустоте. — Ещё один такт. И мы войдём.

Где-то в глубине маршрута, там, где карты обрывались, а звёзды будто замолкали, что-то ждало их приближения. Не враг и не ловушка — а ответ. Древняя цивилизация, знавшая, как двигаться без трения, оставила после себя не руины, а эхо. И теперь это эхо отзывалось на их симфонию.

Корабли замерли на мгновение, выстроившись в идеальную дугу, и космос, казалось, затаил дыхание.

— Сейчас, — прошептала Лира. — Слушайте.

И они услышали: не шум двигателей, не треск помех, а чистый, глубокий звук — первую ноту той самой симфонии, которая могла украсть мгновение у вечности.

Глава 6. Станция-призрак

Они вошли в пустошь между галактическими рукавами — в зону, где звёзды будто прятались, а тьма становилась плотной, как застывший мёд. И там, в самом сердце тишины, висел остов станции — не из металла и не из камня, а из чего-то, что не отражало свет, а бережно хранило его, впитывая каждый фотон, словно память.

Когда корабли приблизились, стены вспыхнули изнутри — не огнём, а отголосками давно минувших дней. На панелях проступали силуэты: существа с телами, похожими на сплетение теней и света, с глазами, в которых отражались

не звёзды, а сами законы движения. Голограммы двигались беззвучно, будто говорили на языке, который можно было только почувствовать кожей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.